

Юлия Макарова

Обратный отсчет

2

16+

Юлия Макарова
Обратный отсчет
2. Продолжение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63236381

SelfPub; 2020

Аннотация

Продолжение полюбившейся многим читателям истории о жизни врача Анны Сергеевны Гореловой. Тихая размеренная жизнь может разрушиться в один миг, но это не значит, что нужно навсегда попрощаться со счастьем.

Юлия Макарова

Обратный отсчет

2. Продолжение

1

– Хотите ее вернуть?

Игорь Горелов вздрогнул от неожиданности и обернулся. Он сидел в своей машине и смотрел, как Анна Сергеевна вошла в здание больницы. Нет, он вовсе не собирался подглядывать за своей бывшей женой, боже упаси! Просто ехал мимо и заметил ее... Анна поднималась по ступенькам больничного крыльца... В светлом плаще, туфли на каблуках – такая помолодевшая... Но такая родная!

Холеная блондинка появилась неведомо откуда.

– Фу, Регина... – облегченно выдохнул Игорь, узнавая склонившуюся к нему женщину. – А вам что за дело? Это вас совершенно не касается.

– Ну-у... почему же ... – протянула красавица и усмехнулась. – Мне кажется, что наши интересы в этом вопросе могут пересечься.

– А вот это вряд ли! – решительно заявил Горелов и нахмурился.

Он вернулся из Германии два месяца назад. Вернулся

один. Его любовница, сильно пострадавшая в аварии, проходила там очередной курс реабилитации в одной из клиник.

Оказалось, что немецкие доктора и в самом деле умеют творить чудеса – девушка уже начинала делать первые шаги. И это при прогнозах, что инвалидная коляска ей теперь обеспечена пожизненно!

Игорь искренне радовался победам подруги и не заметил, что в его молодую спутницу влюбился тамошний врачеватель. Горелову приходилось мотаться между Россией и Германией – собственный бизнес нельзя оставлять без присмотра. Проглядел, одним словом...

Немец попросил у пациентки руки и предложил ей свое сердце. А заодно и гарантировал улучшение в результате дальнейшего лечения.

Подруга Горелова предложение доктора приняла и поставила Игоря перед фактом.

Разборок чинить не стали, разошлись цивилизовано. Хотя больно Горелову было просто до жути, кажется, даже расставание с Анной прошло легче. Но что тут сравнивать – сейчас-то предали его самого...

– А вы не спешите, Игорь... э-э-э...

Горелов глянул на Регину. Вот привязалась! Но Регина совершенно спокойно отнеслась к его взглядам и явному нежеланию сотрудничать.

– Мы можем договориться.

– О чем? – нехотя поинтересовался Игорь.

– Как вам вернуть свою жену.

– Она с некоторых пор не моя жена.

– И тем не менее...

– Хм... А вам-то что за интерес?

Аккуратно подведенные глаза кокетливо отведены в сторону.

– Неужели?! – Горелов развернулся всем телом. – Позвольте угадать! Вам нужен Харламов?!

– Игорь!!! – несколько наигранно возмутилась красивая женщина.

– А что...

Горелов кратко пояснил ход своих мыслей. В результате объединения их усилий Анна Сергеевна расстается с Харламовым. И тогда Регина получает Ивана Николаевича, а Игорь – свою бывшую супругу. На вопрос, что, если Анна не вернется к нему, Регина только пожала плечами.

– Вы – взрослый человек! У вас есть жизненный опыт и деньги. А дальше – дело за вами!

Игорь Горелов побарабанил пальцами по автомобильному рулю.

– Я, может быть, схожу с ума... Но, наверное, подумаю над этим...

Регина довольно хмыкнула и согласно кивнула.

В передней комнате Харламов с Кирюшей самозабвенно «резались» в шашки. Анна Сергеевна была на кухне, готовила ужин, когда раздался телефонный звонок.

Анна глянула на экран сотового и удивленно подняла брови. Нюся.

– Привет, Нюся!

– Добрый вечер, Анна Сергеевна! – поприветствовала ее дочь Ивана Николаевича.

– Как дела?

– Анна Сергеевна, папа близко? – вместо ответа поинтересовалась младшая Харламова.

– В комнате. Дать трубку ему? – в голосе Нюси Анне почувствовалось напряжение.

– Нет, наоборот. Мы можем с вами встретиться?

– Да, конечно... – немного растерялась Анна Сергеевна. – Когда?

– Сейчас.

– Сейчас?! Где?

– Я внизу, на детской площадке. Спуститесь?

– Что-то случилось, Нюся?

– Пока ничего.

– Но папа...

– А вот папе пока знать ничего не нужно, хорошо?

– Хорошо. – Анна Сергеевна нахмурилась. – Я сейчас.

Нюся действительно сидела на качелях на детской площадке. Ни одно из окон квартиры не выходило на эту сторо-

ну дома, поэтому ни Иван, ни Кирюша увидеть их не могли.

– Здравствуй, Нюся! – еще раз поздоровалась Анна Сергеевна, подойдя к качелям.

– Здравствуйте! – ответила девушка, и снова в ее голосе не послышалось привычной жизнерадостности.

Сердце Анна Сергеевны тревожно сжалось. За все время их знакомства две Анны сумели не просто поладить, но даже подружиться. И сейчас взрослая женщина почувствовала, что девушку что-то тревожит.

– Что случилось?

Нюся слегка оттолкнулась ногой, качнулась туда-обратно, затормозила, упершись толстой подошвой желтого ботинка в подмерзшую землю. Посмотрела на Анну Сергеевну.

– Банально, конечно... – усмехнулась тетка. – Но... я беременна.

Фу-у... Анна не сдержалась и выдохнула с облегчением. Нюся, наоборот, нахохлилась как воробышек. Сейчас она была не похожа на саму себя – обычно шустрая, острая на язычок, девушка сникла, словно полиняла. Даже одета была в темные куртку и брючки, хотя очень любила сочные цвета, из яркого только и остались горчичного оттенка ботинки.

Анна Сергеевна не стала торопиться с комментариями. Судя по-всему, что-то здесь не то. Нюся растерялась, а может быть, даже испугалась. Да и радости что-то не видно – иначе бы она просто влетела к ним в квартиру, и шумно и весело сообщила всем эту новость. А тут, надо же, вечером,

на улице, да еще и втайне от отца, потенциального деда...

Анна облокотилась спиной о железную стойку качели, сушила руки в карманы пальто.

– Во-первых, я тебя поздравляю! А во-вторых, я так понимаю, что-то не так?

– Все не так! – буркнула Нюся.

– Что именно?

– Блин... ну я не знаю! Столько всего сразу!

– А ты начни по порядку, – в Анне Сергеевне проснулся профессионал, – какой у нас срок?

Выяснилось, что срок беременности десять недель. И что будущий отец не в курсе. И вообще они с ним буквально несколько дней назад разругались вдрызг, можно сказать, что расстались. Они даже не жили вместе, не говоря уж о том, чтобы он собирался сделать Нюсе предложение. А еще ей вчера предложили работу за рубежом. И теперь Нюся просто категорически не знала, что делать. Приехала сюда, остановилась у знакомой девчонки. Пришла к Анне.

– Может, все же пойдем домой? – предложила Анна Сергеевна.

– Нет, не могу. Не хочу, чтобы папа знал. Мне стыдно. – Тихо произнесла Нюся и нахохлилась еще больше.

– Замерзнешь ведь!

– Не-е, я тепло одета.

– Ну, смотри...

Анна Сергеевна поняла, что девушка имела в виду, сказав,

что не хочет открываться отцу. Дочь очень любила Ивана, и всегда старалась все делать так, чтобы он пусть не гордился бы ею, но не огорчался точно.

– Послушай, Нюся, – сказала Анна после некоторого раздумья, – беременность – это такая штука... ее все равно не скроешь. Рано или поздно, но папа узнает. Какой смысл так секретничать? Или ты надеешься на то, что вы помиритесь со своим парнем, и ты не будешь матерью-одиночкой?

– Если я вообще стану матерью... – прошептала девушка.

Анна Сергеевна нахмурилась. Так вот что тебя больше всего гнетет!

– А вот это глупо, поверь мне! Не существует в мире такой работы, ради которой можно убить своего ребенка! Ну, подумаешь, не попадешь ты сейчас за границу! – Анна вдруг резко развернулась к нахохленной Нюсе, присела на корточки, взяла ее сложенные на коленях ладошки в свои руки. Заглянула ей в глаза.

– Господи, да что я такое говорю, Нюся! Даже не задумывайся о том, что ты потеряешь, какую карьеру не сделаешь! Даже если никогда в жизни у тебя не будет больше такого шанса... Все равно наплюй на это! Да-да, именно так – наплюй! И ни на секунду не пытайся взвешивать «за» и «против»!!! Только «за»! Тысячу раз «за»!!! Поняла меня?! Только ребенок! И не смей даже думать про аборт!!!

Девушка молчала и смотрела на Анну Сергеевну. Взрослая женщина, жена ее отца, но не мать ей самой, почти сто-

яла сейчас на коленях перед Нюсей. И неожиданно в голове пронеслась запоздалая мысль: а почему со своей проблемой я кинулась именно к ней, а не к родной матери? Почему я рассказываю все ей, а не родителям?! Что в этой Анне Сергеевне такого, отчего я доверилась именно ей?

Нюсе представилась мама. Красивая, стройная, очень ухоженная. Ей никто и никогда не давал ее настоящего возраста. Не лентяйка, в доме чисто, на кухне тоже все в порядке.

Но только мама всегда была какая-то... слишком правильная, что ли... Сколько Нюся себя помнит, она всегда чувствовала некоторое напряжение рядом с мамой. Та могла за малейшую провинность не ударить, нет, даже не наказать...

Мама *отчитывала*.

И это порой было гораздо тяжелее, чем понести обычное наказание. Иногда Нюся была согласна выдержать даже шлепок по попе, лишь бы не выслушивать долгую мамину нотацию.

С отцом было проще. Он, к примеру, заметив небольшую дырку на носочке дочери, просто с улыбкой щекотал выглянувший пальчик. А мама хмурила брови и заводила речь о том, что девочке не пристало ходить в рваных носках, она будущая мать и хозяйка и т.д. и т.п.

И так на полчаса, а то и более...

Нюся, вспомнив все это, поежилась. Именно потому родители и развелись. Папа просто устал от постоянных выговоров и контроля. А потом еще его тетя заболела... Но ему

было проще – встал и ушел. Переживали все, конечно, но потом привыкли. А вот Нюся не посмела уйти с ним. Она была уже довольно взрослая и понимала, что мама очень любит ее, но никогда не изменится. А потом мама познакомилась с Сергеем Сергеевичем. Когда они поженились и собрались уезжать в Англию – мамин новый муж был дипломатом – Нюся жутко обиделась на мать. Они звали ее с собой, но это никак ее не устраивало, и Нюся не согласилась. Постепенно отношения вроде бы наладились, но состояние легкой натянутости осталось. Но, как говорится, худой мир лучше доброй ссоры...

Нюся вздохнула. Именно поэтому она и пришла сейчас к Анне Сергеевне, а не к маме.

Так было проще и легче.

3

Неожиданно очень захотелось женщину... Так внезапно пришло настолько жгучее желание, какого давным давно уже не было! Игорь Горелов перевернулся на бок и задержал дыхание. Перед глазами ясно встал образ какой-то безликой, гибкой, как кошка, молодой женщины. Стройное тело едва прикрыто полупрозрачной тканью. Но она не скрывает фигуру, а наоборот навевает какую-то легкую дымку, придает недосказанности и таинственности. И... манкости...

О-о-о боже!!! Как же это красиво и недоступно! Горелов аж скрипнул зубами и закрыл глаза.

Полежав так несколько минут, он неожиданно резко от-

кинул одеяло и сел на постели.

Глянул на часы. Начало первого. На дворе ночь. Сердце гулко бухает в груди. Рывком поднявшись с кровати, Игорь вышел на кухню.

К недавно купленной квартире он привык как-то легко и сразу. То ли начинало входить в привычку в последнее время подолгу нигде не жить, то ли не до ощущений было – нашлись проблемы и поважнее...

Игорь открыл окно и всей грудью вдохнул ворвавшийся с улицы холодный воздух.

Стало немного легче, сердце забилося ровнее. И в голове неожиданно пронеслось: «Какой же я дурак! Что я сотворил! А самое главное – ЗАЧЕМ? Зачем мне это было нужно, все эти мальчишеские заигрывания, рисование перед молодой хорошенькой девочкой? Я чуть было не угробил ее, а свою настоящую жизнь вообще раскурочил так, что живого места не осталось! Жена стала женой другого, дети отдалились, особенно Артем. Но они-то с Любашей хоть немного общаются со мной. А вот Анна... В августе они расписались. Она даже фамилию сменила, стала теперь Харламовой. Мальчишку растит чужого...»

Игорь хмыкнул. «И зачем ей все это? Хотя... Видел он их как-то всех вместе. Не сказать, чтобы что-то у них не складывалось. Идут, болтают о чем-то, пацан опять же между ними, поглядывает внизу вверх, тоже что-то лопочет... Смеются все трое...»

По коже от холода побежали мурашки, но Горелов не стал закрывать окно, лишь отошел подальше, сел на высокий табурет. Квартиру он покупал с ремонтом, все вокруг было новехонькое, блестело и сверкало... А толку-то? От всей этой дорогой красоты веяло только холодом. Как будто окно вообще никогда не закрывается...

Вот Регина предложила вернуть Анну. Ее-то интерес понятен – видимо, очень уж ей нужен этот Харламов. Но вернуть саму Анну... Горелов плеснул в чашку воды из чайника, сделал глоток. А почему бы и нет? Ну, попривыкают они снова друг к другу, не чужие ведь! Сначала не легко будет, а там, глядишь, и наладится! Единственное – мальчишка этот может с ней остаться. Ну и пусть! Вырастет ведь и он когда-нибудь! Свои-то дети быстро выросли, самостоятельные теперь! Пожалуй, надо как следует все

обмозговать, вопрос-то серьезный и щекотливый. А то и будешь сидеть тут по ночам, как сыч! Третью даму сердца Горелов заводить не собирался. Он вообще никогда не был охотником до юбок, много лет был верен Анне. Потом только бес попутал... Кто ж знал, что так вляпается!

Игорь Горелов допил воду из чашки и вернулся в кровать. В незакрытое окно на кухне продолжал дуть холодный осенний ветер.

4

А в это время Анна Сергеевна лежала в своей кровати и тоже не спала. Рядом сладко посапывал Харламов, а ей не

спалось. В голове крутился вечерний разговор с Нюсей. Они просидели на детской площадке почти час. О чем говорили? Да о всяком разном. После того, как девушка сообщила Анне Сергеевне свою новость, та сказала свое решительное «да» будущему ребенку. И постепенно растерянность Нюси стала таять. Девушка слушала Анну, но сначала молчала. А потом разговорилась. Анна Сергеевна уверила ее, что они с отцом будут помогать. «Да, сначала будет очень трудно и непривычно. Но поверь мне – дети очень быстро растут! Ты справишься! И потом, ты же не одна! Мы всегда поможем тебе!»

Понемногу Нюся смягчилась и уже не была похожа на колючего ежика. Похоже, она была готова принять решение. Но Анна Сергеевна не торопила ее. Единственное, о чем настаивала – сказать обо всем отцу. Но тут уже Нюся проявила настырность. «Не надо! Я скажу ему, только не сейчас! Мне нужно время, чтобы подумать и все решить!»

Анна только качнула головой.

– Нюся, ты взрослый человек! Ты живешь самостоятельно, сама зарабатываешь! В чем проблема? Папа будет только рад стать дедом!

– Я его подвела...

– В чем?!

– Он часто говорил, что когда я вырасту, выйду замуж и нарожаю ему внуков.

– И что? Сейчас не девятнадцатый век. Сама знаешь, что

никто не станет тыкать в тебя пальцем и кричать, что ты – мать-одиночка. И потом, я же не знаю ваших тонкостей – может быть стоит все же сказать и будущему папе о том, что ты беременна. Милые бранятся – только тешатся! Иногда ссоры, даже самые серьезные, можно и даже нужно пережить. Я не буду читать тебе нравоучений. Но мое мнение одно – забудь про аборт и живи дальше. Остальное будем решать по ходу дела!

Потом разговор плавно перетек на другие темы. Нюся спрашивала про Кирюшу, с которым у нее сложились очень теплые отношения. Немного рассказала о своей жизни, о работе, которую любила. «У нас коллектив отличный! Все молодые, классные ребята!» – сказала и отчего-то смутилась. Может быть, и ее парень там же работает? Или Нюся кому-то симпатизирует из коллег? Но Анна Сергеевна не стала заострять на этом внимание. Захочет – сама все расскажет.

Прощаясь, две Анны неожиданно обнялись. И немного постояли, обнявшись. Это было совершенно спонтанно, но как-то очень тепло. Зная Нюсин немного дерзкий характер, Анна Сергеевна почувствовала радость. Девочка приняла ее, пустила в свой мир. Она не просто открыла ей свою тайну, Нюся нашла утешение рядом с нею.

Прижавшись щекой к выбившейся из-под шапочки пряди темных Нюсиных волос, Анна Сергеевна прошептала: «Все будет хорошо... Все будет хорошо!».

Анна, не открывая глаз, перевернулась на другой бок. За ее спиной шевельнулся Иван.

– Что не спишь? – спросил шепотом. – Что-то случилось?

Притворяться спящей было бессмысленно.

– Спи, все нормально. Прости, что разбудила.

Сильные мужские руки обняли ее, притянули к себе. Харламов уткнулся носом жене в плечо.

– Без проблем.

Замерли, полежали в тишине. Но сон – штука коварная, бывает, чуть тронь его, и все, больше никак не возвращается. Иван Николаевич глубоко вздохнул. Анна легонько погладила его по руке. Иван чуть заметно хмыкнул.

– Ты чего? – прошептала Анна Сергеевна.

– Представляешь, мне сейчас Нюся снилась, только совсем маленькая, такая, когда ей года три было. Помню, у нее платье было розовое с белыми бабочками... Она толстенькая была, ножки, как столбики. Классная... Вот такая сейчас и приснилась.

Анна помолчала, раздумывая над словами Ивана. Надо же, сон-то в руку! Говорят, девочки снятся к диву. Знал бы ты, Ванечка, какое диво тебя ожидает! Зря, конечно, Нюся не решилась открыться отцу. Он любит ее, все поймет и примет как надо – в этом Анна Сергеевна была уверена. И еще она была уверена в том, что будущая мамочка приняла правильное решение и не передумает. Бог с ними, со всеми этими карьерами! Вот если бы они с Игорем в свое время вы-

гадывали да приценивались, то не было бы ни Артемки ни Любаши. А это ведь просто жуть! Без них Анна себя даже не представляла!

– Как думаешь, Ань, к чему это? – зашептал Иван.

– Хороший сон, Ваня. К добрым новостям. Спи. – Так же шепотом ответила Анна.

Но ладонь мужа уже скользнула по ее груди. Харламов придвинулся еще ближе, мурлыкнул жене в ухо.

– Ва-а-ня... – только и прошептала она, а сильное тело Ивана уже обдало горячим теплом.

Даже холодной осенней ночью на отдельно взятой территории может быть очень жарко...

6

Анна Сергеевна, задумавшись, шла по больничному коридору. Впереди открылась дверь и из нее вышла Регина. Она разговаривала с кем-то по телефону. Заметив Харламову, она осеклась на полуслове, стрельнула глазами и тут же отвела их в сторону.

Занятая своими мыслями, Анна не обратила на это внимания. Они уже виделись сегодня на пятиминутке, поэтому сейчас просто разошлись в разные стороны. До Анны Сергеевны только донесся голос Регины: «А когда ты сможешь?» и легкий игривый смешок.

Анна Сергеевна вошла в свой кабинет, покосилась на ворох бумаг на столе. Качнула головой. Такое ощущение, что их с каждым днем становится все больше и больше. Скоро

на белый халат надо будет надевать черные нарукавники, какие раньше носили счетоводы, на пациентов времени совсем не остается. Языкастый Крымов недавно с серьезным видом сообщил, что скоро начнет писать книгу – держать ручку в руках уже привычней, чем хирургические инструменты. И он, к сожалению, прав.

Анна Сергеевна подошла к шкафу, открыла дверцу. На полке сиротливо стояла хрустальная вазочка с одной единственной карамелькой на дне. Забрав конфету, Харламова уселась за стол и зашуршала бумажкой. Сунув карамельку за щеку, она принялась разбирать документы.

Через некоторое время в кабинет заглянула Ниночка.

– Анна Сергеевна, чаю хотите? Только что чайник вскипел!

За все время, что Анна работала заведующим хирургическим отделением, она так и не приучила себя к тому, чтобы пить чай или кофе одной. Крымов первое время шутовски ворчал, что ему неуютно трапезничать перед начальственным лицом, но потом отстал. И даже сам порой исполнял Ниночкину обязанность – приглашал Анну на чаепитие в ординаторскую.

– Сейчас приду, – кивнула Анна Сергеевна, перелистывая очередную пачку отпечатанных листов. – Нин, у нас сушки есть? Сушек хочу.

– Были! – вездесущая Ниночка обычно знала все, – я вчера ванильных два пакета купила. Не должны были слопать.

Ниночка ушла. Анна Сергеевна дочитала лист, коротко черкнула сверху свою поправку и поднялась из-за стола.

В ординаторской было довольно шумно. Саша Сидельников, недавно приступивший к самостоятельной работе, но до сих пор оставшийся «сыном полка», спорил о чем-то со Светланой Ивановной. Ниночка открыла навесной шкафчик и гремела в нем посудой. Крымов быстро печатал на компьютере и временами бросал в сторону спорщиков реплики.

Анна Сергеевна заметила выставленный на стол пакет сушек. Нина выглянула из-за дверки шкафа, вытащила глубокую тарелку и насыпала в нее сушки.

Усевшись на диван, Анна захрустела сушкой. Сидельников сидел рядом и тут же подключил ее к разговору.

– Прикиньте, Анна Сергеевна, Светлана Ивановна говорит, чтобы я не ругался на бабушку!

– А в чем дело? – поинтересовалась Харламова.

Саша поведал ей о том, что его родная бабуля все чаще стала его удивлять. Причем ставит его уже перед свершившимся фактом и взывает к помощи. А сама... Молодой врач только махнул рукой.

– Буквально позавчера звонит мне и еле говорит. Ты чего? – спрашиваю. «Да вот, слабость какая-то, голова кружится». Приезжаю. Измеряю давление. А у нее оно совсем упало, хоть и так обычно не очень высокое. Чего делала, чего пила, чего ела? – спрашиваю. Клянется и божится, что ничего, все как обычно. Ну, я пошел на кухню, заварил ей креп-

кого свежего чаю. И тут случайно замечаю какие-то таблетки на столе. Смотрю – а это дедовы, от давления. А дед мой два года назад умер. Спрашиваю – чего таблетки тут стоят? И прикиньте, какой ответ? Оказывается, бабуля разбиралась в шкафу и нашла таблетки. Лекарства дорогое, срок годности скоро истечет. Ну она и решила таблеточки допить, в целях, так сказать, профилактики... Жалко, видите ли, так просто выкинуть!

Матерые медики только усмехнулись в ответ и поведали своему молодому коллеге несколько подобных историй.

– Вы, Сан Саныч, еще и не такое в дальнейшем увидите и услышите, – уверил Сидельникова Крымов и развернулся к принтеру в ожидании свежей распечатки своего опуса. – Так что Светлана Ивановна права – наберитесь терпения и не браните свою экономную бабушку. Не хочу никого обидеть, но человеческой дурачности нет предела, поверьте!

Принтер загудел и выдал Алексею Григорьевичу теплый печатный лист.

7

Анна Сергеевна слушала коллег, пила чай и с удовольствием грызла сушки. Она, как и все старшие, тоже никак не могла избавиться от ощущения, что Саша Сидельников почти ее ребенок. Парень он был толковый и не ленивый. А опыт – дело наживное. Самое главное, что он сразу влился в их коллектив, со всеми ладил и не задрал нос, став (как

выразился Крымов) самостоятельной врачующей единицей. Саша не стеснялся спрашивать, когда чего-то не знал или не понимал, молчал, когда его самого никто не спрашивал и явно старался научиться непростому ремеслу хирурга.

Анна Сергеевна подозревала, что, набравшись опыта и знаний, Сан Саныч Сидельников стартанет куда-нибудь дальше, хоть в ту же столицу, например. А что, Николай Матвеевич Яковлев, ее старый друг, будет только рад такому доктору. Он и так время от времени напоминает уже обоим Харламовым, что для них всегда найдется в Москве хорошее место. Но ни Анна, ни Иван не соглашаются на переезд. Им нравилось тут, к тому же у них теперь был Кирюша. Растить мальчишку было гораздо удобнее и спокойнее здесь, подальше от столичной суеты.

В дверь ординаторской заглянула медсестра. Окинула всех быстрым взглядом, заметила Харламову.

– Анна Сергеевна! Вас там внизу спрашивают.

– Внизу?! Кто? – удивилась Анна.

– Не знаю, женщина какая-то.

Анна Сергеевна за пару глотков допила чай, поднялась. Крымов тоже встал из-за стола.

– Пойдем, провожу. Мне все равно в поликлинику надо.

Они вышли в коридор. Проходя через холл, Анна увидела стоявших возле окна Регину и Ивана Николаевича. Он что-то показывал ей, постукивая пальцем по лежащему на подоконнике листу бумаги.

Спускаясь по лестнице, Анна Сергеевна гадала, кто явился по ее душу. Но стоявшую возле огромного окна вестибюля женщину она не узнала. Тем более что та стояла вполоборота к Анне. Широкое синее пальто-пончо, модные брюки в клетку. На голове черничного цвета берет с помпоном.

Анна Сергеевна подошла ближе. Женщина обернулась.

– Хелена?!

Немка сдержанно улыбнулась и кивнула.

– Добрый день, Анна. – Женщина говорила по-русски, но очень ломано и с сильным акцентом.

– Здравствуйте!

Жена немецкого доктора, с которым Анна познакомилась несколько лет назад на отдыхе за границей, с интересом смотрела на нее.

– Вы красиво выглядите! – сделала комплимент Хелена.

– Спасибо! – улыбнулась Анна Сергеевна. – Вы тоже отлично выглядите!

– Спасибо.

– Как ваши дела, как Александр? – Анна старалась говорить медленнее и четче, давая возможность собеседнице понять ее слова. – Он тоже приехал?

– Нет, он не приехал. Приехала я. По делам. Но у него все хорошо. Александр написал книгу. Я привезла ее вам.

Хелена достала из сумки небольшой красиво упакованный сверток.

– Вот, – она протянула его Анне Сергеевне и снова улыб-

нулась.

Это было неожиданно! Признаться, Анна Сергеевна уже и позабыла о планах Александра написать книгу на основе ее рассказа о себе. Да и не верилось как-то, что такое вообще возможно, что она станет прототипом литературного героя. Но, к своему стыду, Анна ошиблась и потому глядела на протянутый подарок с изумлением и смущением одновременно.

Приняв книгу и поблагодарив Хелену, Анна Сергеевна пригласила ее к себе в кабинет. Но немка сослалась на занятость и отказалась.

Прощаясь, Анна попросила передать огромную благодарность и самые наилучшие пожелания автору.

– Да, хорошо, – по-русски сказала женщина и, сдержанно улыбнувшись, внимательно посмотрела на Харламову. «Да, это очень хорошо, – подумалось ей на родном немецком, – что я сама вызвалась передать книгу Анне. Она такая красивая... Незачем мужу встречаться с ней лишний раз... Не стоит...»

Когда Хелена вышла на крыльцо больницы, холодный ветер сразу, словно только и ждал ее появления, дунул прямо в лицо. Но женщине это было только на руку – он немного охладил ее волнение.

Алекс написал этой Анне письмо – Хелена видела его, но читать не стала... Всего несколько строк... Но Хелена предпочла не знать, что там написано.

Сильно захотелось курить, но она только глубоко вдохну-

ла стылый воздух. Хелена бросила курить через несколько дней после того, как увидела Анну в Санкт-Петербурге и почувствовала, что муж влюблен в эту русскую.

А потом Хелена сама подсказала Алексу название новой книги... "Обратный отсчет»...

... Она тогда решила многое изменить и в себе самой. Хелена очень любила мужа, и не желала допускать, чтобы он увлекся хоть и такой далекой, но *другой* женщиной.

Хелена стала лучше одеваться и бросила курить. Старалась теперь больше бывать рядом с ним. Но и эта Анна тоже похорошела. Хотя... У нее ведь, кажется, любовь! Дай, Господи, ей счастья! Но пусть она будет счастливой здесь, вдалеке от Алекса! А свое счастье Хелена будет беречь сама.

8

Проводив Хелену, Анна Сергеевна пошла к себе в кабинет. Но едва она

поднялась на этаж, как встретила Ивана Николаевича. Муж сразу

заметил в ее руках красивый сверток.

– Чего это? – полюбопытствовал он. – Очередные сладости?

– Нет, не сладости.

– Ой, мамочки! Неужели пачка баксов?! – хохотнул Харламов.

– Размечтался, дорогой! Ты не поверишь – книга, – улыбнулась Анна.

– Книга?! – похоже, Иван Николаевич действительно удивился.

– Книга!

– Не понял... Крутая, что ли, какая?

– Для меня – да. Это подарок из Германии.

– Откуда?!

– Из Германии. Просто у меня есть один знакомый... Он врач и иногда

пишет книги.

Харламов поднял брови.

– Интересное знакомство!

В кармане Анны Сергеевны тренькнул телефон. Рябов.

Глянув на

экран, она махнула рукой и, уверив мужа, что потом все объяснит,

поспешила в кабинет к главврачу.

Ее руки дошли до подарка из Германии только к концу рабочего дня.

Анна Сергеевна аккуратно сняла упаковочную бумагу.

Книга была в

красивой твердой обложке. Анна раскрыла ее наугад. Надо же,

на русском языке! За это отдельное спасибо Александру!

Вернувшись к началу книги, Анна Сергеевна увидела в уголке

напечатанное прописными буквами посвящение: " Анне".

И на секунду

дыхание сбилось, а в груди стало тепло... Одно единственное слово, ее

имя... Но Анна Сергеевна словно услышала голос Александра, увидела его

какой-то особенный взгляд, каким он смотрел на нее там, на отдыхе...

В книгу был вложен сложенный пополам лист бумаги. Так и есть —

письмо.

"Здравствуй, Анна! Как и обещал — посылаю тебе свою книгу. И еще раз

прими мою благодарность за то, что позволила мне использовать свою

историю как сюжет для книги! Чтобы не напрягать тебя с переводом, я

написал и издал один экземпляр на русском языке. С пожеланиями

успехов и удачи, Александр."

Анна Сергеевна задумчиво перечитала послание еще раз и мягко

улыбнулась. Хотела было убрать лист прочь, но потом передумала и

вложила обратно. Иван наверняка посмотрит книгу. Скрывать от него

Анна ничего не собиралась. Да и нечего было скрывать...

Она

усмехнулась, вспомнив, как они с Александром ходили вокруг да около, но

слава богу, так и не наделали глупостей. " А интересно, Александр знает

такое выражение "вокруг да около"? – подумалось вдруг Анне Сергеевне.

Дома, рассматривая книгу, Иван с любопытством взглянул на Анну.

– И где же ты успела найти этого немецкого Антошу Чехонте?

Анна кратко рассказала мужу про Александра.

– Ишь ты... – Харламов сощурил глаза. – То-то мне показалось тогда,

что ты вернулась из отпуска какая-то другая. Мне уже можно

начинать ревновать?

– Не думаю, что стоит тратить на это время. Хотя... его жена как раз и

приревновала меня к нему. Это она, кстати, передала мне книгу.

– Естественно! Так она хотя бы обезопасила себя – чего вам лишний

раз встречаться? – с ехидцей заметил Иван.

Он полистал книгу, прочел вслух на одной из страниц:

– ... Ей иногда стало казаться, что она все время стоит

перед какой-то

неведомой стеной. Куда бы Кэтти не шла, какое бы дело не начинала,

она так или иначе все равно оказывалась перед этой проклятой

стеной. И эта стена закрывала от нее не только то, к чему она

стремилась, но и все вообще, весь мир, со всеми его проблемами и

радостями. "Наверное вот так и начинается паранойя!" – думалось

иногда Кэт. И с каждым днем думалось все чаще. В конце концов

она решила пойти к врачу. Невысокий толстенький мужчина совсем

не был похож на психоаналитика. И все-таки это был он..." – Харламов качнул головой. – Н-да... Не знаю,

что там, в этой книге, написано, но написано, по крайней мере, нормальным языком. Интересно – это перевод?

Анна подошла к нему, перевернула несколько страниц, кивнула

головой на вложенный листок. Иван, поняв, что это послание от автора,

не хотел читать его, но Анна настояла.

– А умный мужик, этот доктор. Работать врачом, да еще и на двух языках книги писать

умудряться! Это сильно! – заметил Иван Николаевич, прочитав письмо.

– Я же тебе говорила, что он почти русский...

– Ну да, ну да... – покивал Харламов. – Расскажи хоть потом, как книга.

– Да я не собираюсь ее прятать! Сам прочитаешь, если захочешь.

Только, чур, я первая!

9

«Иногда среди ночи просыпаешься, лежишь и думаешь – а что такое счастье? И в самом деле, что это такое, кто знает? А рядом сладко посапывает любимый человек; в детской, раскинув ручки, спит твое дитя; верный пес чутко дремлет у входа в твой дом. Что еще надо? Все, что будет завтра – это будет лишь завтра. А здесь и сейчас – это уже есть, и тебе просто хорошо от этого. Счастье – оно маленькое и незаметное. Оно пахнет скошенной травой и детской присыпкой. У счастья нет определенного цвета, но тебе нравится любой его оттенок. И не надо давать ему четких определений. Надо просто помнить, что оно есть, оно рядом, оно с тобой».

Анна Сергеевна прочитала последние строки книги и, не закрыв ее, положила поверх одеяла. Выключила ночник, полежала, прислушиваясь к себе и своим ощущениям. Бог ты мой, откуда он все это знает? Как Александр смог прочитать ее мысли? Немецкому доктору в последних строчках

удалось так точно написать (да еще на русском языке!) то, что происходит с нею сейчас, словно он был рядом! В квартире – тишина, рядом спит любимый и любящий ее мужчина; в соседней комнате посапывает уставший за день Кирюша. Только пса не хватает, хотя незримо и он присутствует – собака Мартыновых сразу полюбила и Ивана и Кирилла, и по какому-то собственному уразумению стала охранять сразу две квартиры. Теперь, если кто-то чужой звонил или стучал в дверь Харламовых, верный страж заливался таким лаем, словно это шли к нему в дом.

Итак, книга прочитана. Прочитана за два захода – в первую ночь Анна Сергеевна еще заставила себя отложить ее, сославшись на то, что впереди рабочий день и надо выспаться. Но зато вчера, а вернее сегодня, Анна даже не смотрела на часы, пока не дочитала все до последней точки.

Три часа ночи. А спать совсем не хочется. Мысли так и крутятся вокруг романа. Непростая жизнь героев стояла перед глазами. Александр действительно талантливый писатель! В судьбу своей Кэтти он, конечно, вписал многое из того, что рассказывала ему о себе Анна. Но и в то же время это была совсем другая женщина. В душе Анна даже порадовалась этому. Книгу наверняка читала или прочтет Хелена. И вряд ли она увидит в Кэтти много общих черт с русской женщиной. По крайней мере, при прочтении книги Анне представлялась совсем непохожая на нее молодая женщина. Да-да, Александр довольно сильно омолодил свою геро-

нию! Хотя было в романе кое-что и из жизни Анны Сергеевны: сначала вполне благополучная жизнь, потом предательство близкого человека. Только Кэтти, в отличие от Анны, еще досталось и несчастливое детство. В результате молодая женщина переживает жуткий стресс, жизнь ей не мила (а вот тут уже явно просматривалась рука опытного врача-психиатра). В общем, Кэтти проходит не один круг ада, но, в конце концов, обретает свое новое счастье.

Роман действительно был сильным. Даже, несмотря на то, что сюжет вроде бы и не нов – сколько вокруг разных надломленных судеб! – но его никак нельзя было отнести к дешевому «бульварному» чтиву. Каждый герой выписан очень четко, зримо. События развиваются интересно, к тому же охвачен довольно большой промежуток времени – Кэтти буквально вырастает на глазах у читателя. Анне Сергеевне, всегда любившей чтение, на самом деле было очень интересно. К тому же немножко льстило то, что она сама стала капелькой большого труда.

Анна улыбнулась своим мыслям. Да что она, наверное, с любой из ее знакомых женщин можно написать повесть или даже роман! Возьми хоть ту же Ларису – ее школьную подругу. Сколько той всего пришлось пережить! Дениска – единственный сын, словно данный в награду за все...

Да что там говорить! Любая женщина проходит непростой путь. Вот и их с Иваном девчонки вошли в самостоятельную жизнь. И сколько там всякого у них впереди! Нюся, вот, уже

столкнулась с серьезным выбором. Дай Бог ей не передумать и сохранить малыша! А там все вместе они как-нибудь справятся!

Словно почувствовав, о чем она думает, рядом зашевелился Иван. Анна закрыла книгу и положила ее на прикроватную тумбочку. Все – спать! Надо спать!

10

В выходные приехала Любаша, да не одна, а со своим парнем.

В том, что дочь решила познакомить их со своим Иваном, Анна Сергеевна увидела добрый знак. Люба не была ветреной девчонкой, с парнями всегда общалась на уровне дружеских отношений. Пару раз она бывала влюблена, но это было не серьезно. Первый раз дочери нравился мальчик еще из детсадовской группы, а второму Любаша симпатизировала лет в двенадцать. Имя второго возлюбленного девочка тогда не открыла, и вообще вела себя почти как обычно, но чуткое материнское сердце подсказало Анне, что с ней что-то происходит. Страсти не кипели, потом все вообще сошло «на нет»...

А теперь, вот – Ваня.

Всем было интересно увидеть избранника Любаши, но больше Анны и Ивана этого ждал Кирюша. Мальчик сразу сроднился с Любой, и порой даже Анне Сергеевне казалось, что именно Любаша и Кирилл родные брат и сестра. Когда

дочь приезжала домой, они постоянно были вместе – ходили гулять, чем-нибудь занимались или просто разговаривали.

С Артемом Кирилл вел себя сдержанно, как-то по-мужски. Да и виделись они не так часто – семейная жизнь старшего брата значительно сокращала время общения того с родными. Телефон и даже скайп – это всего лишь средства связи. В них нет простого человеческого тепла, какое бывает только тогда, когда люди вместе, рядом.

И потому, едва открылась входная дверь, Кирюша пулей метнулся в коридор. Оттуда тотчас слышались радостная возня и приветствия.

Анна с Иваном выглянули в прихожую. Так и есть – Люба тискает в объятиях довольного мальчишку, а рядом, с большим тортом в руках, стоит высокий розовощекий крепыш в черной куртке.

Увидев Харламовых, парень смутился, его щеки заалели еще больше.

– Здравствуйте...

– Ой, мам! Иван Николаевич! – Любаша оставила в покое Кирюшу, поздоровалась с родными и представила крепыша: – Знакомьтесь, это Ваня.

– Ну, здравствуй, тетка! – Харламов первый протянул руку. Его не маленькая ладонь оказалась даже меньше ладони Любашиного кавалера. Почувствовав явно сделанное вполсилы рукопожатие могучей руки, Иван Николаевич только крякнул и одобрительно кивнул: – Ого!

Гость смущенно потупился и переступил с ноги на ногу, словно застоявшийся жеребенок.

Анна разглядывала парня с любопытством. Зная дочь, она понимала, что этот человек довольно прочно занял место в ее сердце. Кто же ты, Ваня? Каким будешь? Не обманчив ли твой образ наивного увальня?

Ваня оказался именно таким, как показался на первый взгляд – спокойным, а на первых порах даже немного робким великаном. Анна не раз ловила его смущенные взгляды на себе. Потом парень немного пообвыкся и стал вести себя свободнее.

Когда сели за стол, оказалось, что спиртного он почти не пьет. И в самом деле, бокал красного вина гость «тянул» весь обед. «Ваня – спортсмен, он борьбой занимается!» – пояснила Люба. Анне вспомнился эпизод из фильма «Москва слезам не верит», где хоккеист Гурин отказывается «обмыть ножи» новорожденной Александры, и она едва заметно усмехнулась. Ну, что ж, настаивать не будем...

Чтобы не путаться в двух Иванах, решили, что Ваня так и останется для всех Ваней, тем более что ему такое ласковое обращение очень шло.

Когда пообедали, Анна и Люба принялись на кухне мыть посуду, а мужчины остались в передней комнате.

– Мам... А ты в курсе, что папка обратно приехал? – спросила вдруг Люба, протирая после мытья раковину.

– Нет, не в курсе. Хотя, что тут такого? Он же не собирал-

ся оставаться в Германии!

– Ну-у... – дочь отчего-то замялась.

– Что? – Анна заметила ее смятение. – Я чего-то не знаю, да?

Люба развернулась к матери.

– Мам, он один приехал.

– В смысле?

– Она его бросила. – В их семье никогда не произносилось имя разлучницы.

Анна подняла на Любашу удивленные глаза.

11

– А ты не знала? – тихо спросила Люба.

– Нет. – Анна Сергеевна помолчала, пожала плечами. – Да я как-то и не удивлена...

– Почему?! – искренне удивилась дочь.

– Да так... Знаешь, Люба, со временем мужчины довольно часто становятся не нужны своим молоденьким любовницам. Возьмут они от такого «дяденьки» все, что можно, а потом – в сторону... Или молодого встретят или другого, посостоятельней.

– Блин, мам, чего же они дураки-то такие, эти мужики! – с юношеской непосредственностью воскликнула Любаша. – И чего им только надо?!

Анна только улыбнулась. Вот, уже и с дочерью разговариваем совсем по взрослому, о мужчинах... Выросла Лю-

баша, быстро, незаметно так выросла... Парня привезла для знакомства, и сама уже совсем взрослая, хоть и многого ещё не знает и не понимает. Ну, да это ничего, опыт – дело наживное...

– Жизнь вообще штука сложная, доченька! И насмеешься, и наплачешься... А с мужчинами и подавно!

– Не-а, мам, мой Ваня не такой! Он добрый, с ним хорошо! Нет, мы иногда, конечно, спорим о чем-нибудь, но сильно не ругаемся.

Девушка улыбнулась матери.

– Это, наверное, даже не любовь! Мне иногда кажется, что он рядом со мной был всегда-всегда! – Любаша мечтательно зажмурилась, потом резко открыла глаза и тряхнула головой. – Я дура, да, мам?

Анна Сергеевна усмехнулась, потом подошла к дочери и обняла ее за плечи. Целуя Любашу в щеку, она тихо сказала:

– Никакая ты не дура! Ты просто счастливая влюбленная девочка! Дай бог, чтобы у вас с Ваней все было хорошо!

Любаша обняла мать, прижалась к ней всем телом и, как всегда делала раньше, потерлась щекой о ее плечо. В голове Анны промелькнуло легкое сожаление – как жаль, что эти объятия стали так редки... Да и видеться с дочерью они стали не часто. Но ничего страшного, одернула она себя, Люба выросла и ее надо отпустить. У дочери впереди своя жизнь.

«Как хорошо, что у нас теперь есть Кирюша! Чтобы я сейчас делала без него? Дети выросли и разлетелись, а без них в

доме пусто и скучно». Анна Сергеевна даже не вспомнила о том, что еще не так давно наслаждалась свободой и одиночеством. Видимо, это был всего лишь своеобразный тайм аут, данный самой судьбою. Но этот этап уже пройден, и пройден весьма благополучно, без особой боли и потерь. Пожалуй, она даже гораздо больше приобрела, чем потеряла. А теперь у Анны, так же как и у Любаши, впереди новая жизнь. И в ней нет места одиночеству. Но Анна Сергеевна ни капельки об этом не жалела.

О том, что сообщила ей Люба, Анна вспомнила гораздо позже. Уложив всех спать, она чистила зубы в ванной и, глянув на свое отражение, подумала: «Значит, Игорь, не повезло тебе... Ишь ты... Бывает...» Но почему-то она не испытала никаких чувств – ни радости, ни жалости от этой новости. Видно все остыло, не может же быть больно вечно!

Анна прополоскала рот, поставила щетку в стаканчик. Снова посмотрела в зеркало. А потом широко улыбнулась и подмигнула своему отражению.

В среду после обеда Анне позвонила мама. Приболел отец; вызвали врача на дом, тот сказал, что нужно обследоваться в больнице. "А он ни в какую! Ну, ты же знаешь нашего папку, доча!" – возмущались мама в трубку. – "Если чего, говорит, дома помирать буду! А на кой ляд помирать-то?"

Врач же просто сказал, что нужно в больницу лечь, понаблюдаться!" Доча, хоть ты ему скажи, чтобы дурака не валял, а?"

Анна Сергеевна нахмурилась. Обычно родители не беспокоили её по пустякам... Даже скрывали иногда, если болели... А тут мама сама позвонила, да и хоть многого не сказала, но в голосе слышится тревога...

Анна Сергеевна связалась с приехавшим на вызов врачом. Он подтвердил, что Сергея Ивановича надо госпитализировать и обследовать – серьёзно забарахлило сердце. Медицинское братство тесно связано, Анна Сергеевна не была лично знакома с этим доктором, но отзывы о нем слышала только хорошие. Коллега был молод, но к работе относился серьезно, ему можно было доверять. Он сказал, что Сергей Иванович ни в какую не соглашается ложиться в больницу. "Анна Сергеевна, я и сам хотел вам позвонить, но ваша мама сказала, что сделает это сама».

Вечером Анна поехала не домой, а на автовокзал. Иван Николаевич оставался на дежурство, так что Кириюшу пришлось отправить к Мартыновым. Он, впрочем, особо не расстроился – с Дениской им всегда было чем заняться. Гена с Ларисой принимали мальчишку как родного, никто, никогда, ни единым звуком напомнил ему о том, что он приемный у Харламовых.

Отец лежал на диване и был заметно бледен. Увидев Анну, заворчал на жену, что она вызвала-таки дочку, и попытался отмахнуться от самой дочери, когда она под села к нему

с фонендоскопом и тонометром. Но Анна-дочь и Анна-врач были совершенно разными людьми. Сергей Иванович, поняв это по сразу ставшему строгим голосу и серьезному цепкому взгляду, присмирел и сдался.

Через час Анна Сергеевна уже помогала отцу расположиться в больничной палате. Убрав собранные матерью вещи в тумбочку, она подсела к лежащему на кровати Сергею Ивановичу. А он, оказавшись в больнице, совсем пригорюнился.

– Ну что ты, пап, а? Чего расстроился? Ну, подумаешь, полежишь немного. Обследуют тебя, как следует, подлечат, и снова домой отпустят. Думаешь нам, врачам, нужны лишние люди в больнице? – пошутила Анна Сергеевна.

– Как же так, доча? Сроду ведь не болел... – глаза отца предательски увлажнились. – Неужто сдал старый конь?

– Да какой же ты старый, пап! Даже думать так не смей! Сейчас кардиограмму сделаем, завтра анализы сдадим, а там посмотрим, чем тебя назад в строй поскорее вернуть! – успокоила его Анна Сергеевна.

– Тебя, вот, от работы, от дома отвлекли! – продолжал вздыхать отец. – Парни-то твои как там без тебя?

– Все нормально, пап! И парни мои не впервые одни остаются, – заверила его дочь, – справятся! – Про то, что Кирилл вообще сегодня гостит у Мартыновых, она предпочла промолчать.

В голове неожиданно мелькнула спасительная мысль, и

Анна Сергеевна тут же ухватила за нее.

– Кирюша, кстати, к вам на зимние каникулы хочет приехать. Ты не против? – как бы между делом поинтересовалась она у отца.

Сергей Иванович примолк, замер, словно прислушиваясь к себе и своим ощущениям.

– На зимние? – переспросил он через некоторое время. – Это в январе, что ли?

– В январе, пап, в январе.

– Ну-у... к тому времени я уже поправлюсь! Пусть приезжает! – на губах отца появилась слабая улыбка.

Все перемены в жизни Анны Сергеевны коснулись не только ее одной. Родители очень переживали, узнав про развод дочери. Отец был сдержан в эмоциях, зато мама, более горячая по натуре, высказывалась о бывшем зяте довольно нелицеприятно. Самым мягким словом, пожалуй, было сказанное с ядовитым презрением «кобелина!». Видя страдания Анны, отец запретил матери лишний раз заводить разговор об Игоре и вообще теревить душевные раны дочери.

Появление второго зятя было встречено родителями с осторожностью и явным недоверием. Мама прокомментировала сначала кратко: «Больно уж красивый, доча! Как артист...» На что Анна Сергеевна только пожала плечами – как ни странно, но, не впервые уже слыша такие отзывы о Харламове, сама она красавчиком Ивана не считала. Мужчина как мужчина.

Отец при общении с Иваном Николаевичем держался по-мужски сдержанно, что вполне устраивало и самого Харламова. Но сердце Сергея Ивановича завоевал Кирюша, чье появление в семье повергло и мать и отца в шок. Мама всплескивала руками: «Аня, да ты что?! Свои-то уж дети повзростали, живи, радуйся, внучку нянчи! А тут мальчонка еще совсем, да и не родной вам обоим! Трудно-то как будет!»

Отец, переварив новость, крякнул, и глянул сурово: «Смотри, дочь! Не куклу в руки берешь! Назад ходу не будет! Хотя... дело доброе. Глядишь, и Бог не оставит в помощи!»

Анна тогда с изумлением посмотрела на отца. Странно было услышать такие слова от него. Сергей Иванович, проработавший всю жизнь простым рабочим и никогда не показывавший, что верит в Бога, заговорил вдруг мудро и даже как-то по-книжному.

А потом Анна с Иваном привезли для знакомства Кирилла. И тут уж даже новоявленная бабушка не сдержалась и высказалась через некоторое время: «Вот точно говорят – старый да малый! Надо ведь, с Артемкой и Любашей так не возилась!» Глава семейства буквально помолодел, общаясь с мальчиком, а Кирилл вообще ходил за ним по пятам. Единственное, в чем Кирюша сначала испытал неудобство, так это в том, что он не знал, как обращаться к родителям Анны Сергеевны. Но Сергей Иванович спас положение, решительно заявив: «Зови меня дедом. А то кто же я? Дед и есть, раз

еще один внук появился!»

И вот теперь, используя дружбу отца и Кирюши, Анна Сергеевна попыталась вывести приунывшего деда из упаднического состояния. Заметив, что он пусть слабо, но улыбнулся, Анна поняла, что попала в точку.

13

Анна Сергеевна позвонила главному врачу и отпросилась на один день – у Сергея Ивановича было предынфарктное состояние. Она даже хотела остаться в больнице на ночь, но коллеги отправили ее домой.

Утром Анна вернулась к отцу. Его состояние было стабильно и это радовало. Чуть позже пришла мама, принесла свежего куриного супчика. Накормила мужа чуть ли не с ложки, немного поворчала, что он не слушался ее и доктора, и не соглашался отправиться в больницу сразу.

Убедившись, что с отцом все нормально, ближе к обеду Анна Сергеевна позвала Елену Михайловну домой.

– Ой, доча, а можно я останусь? – запросилась мать, но Анна не разрешила. Отцу нужен был отдых, а в том, что ему и так будет обеспечен хороший уход, она не сомневалась.

– Мы вечером придем, мам, вечером, – Анна Сергеевна потянула родительницу за собой.

Выйдя за больничную ограду, Анна увидела наклеенную на столб театральную афишу. Иван Андреевич Крылов,

спектакль «Урок дочкам».

– Ого, смотри-ка! В наш Дом культуры драматический театр приезжает! – Анна приостановилась, читая афишу. – Сегодня в 13.00! Надо же – а я сто лет в театре не была!

– Ну так сходи! – посоветовала мама.

Анна Сергеевна призадумалась. А почему бы и нет? Спектакль в одно действие – это что-то около часа, не долго. Позвала маму, но та решительно отказалась. Тут к ним подошла бывшая мамина сослуживица, и, поздоровавшись, заинтересовалась:

– Елена Михайловна, Анечка! Как я давно вас не видала! Как поживаете?

Немного поговорив с женщиной, Анна оставила их с мамой болтать, а сама пошла в сторону Дома культуры.

Анна Сергеевна не только «сто лет не была в театре», свой родной ДК она не посещала целое тысячелетие. Когда-то бегала сюда с подружками на дискотеки, но это было, кажется, еще в прошлой жизни...

Внутри очаг культуры изменился просто кардинально. Кругом был сделан отличный ремонт, а зрительный зал уступал городским сценам только размером. Удобные кресла, роскошный занавес – Анна Сергеевна потратила некоторое время на то, чтобы все рассмотреть и порадоваться за свою малую родину. Небольшой поселок, но все современно и очень достойно.

А вот количество зрителей в зале Анну огорчило. Ка-

кая-то учительница привела старшекласников, да еще десяток человек сидели вразброс в почти пустом зале. А жаль – спектакль оказался хорош, и игра актеров была отличная! Иногда Анне Сергеевне даже казалось, что она не зритель, а находится там, на сцене.

Выходя из зала, Анна Сергеевна улыбалась. На душе после всех волнений стало хоть немного легче и спокойней. Обычно такие ощущения у нее были после прочтения хорошей книги или просмотра понравившегося фильма. Замечательный спектакль!

Шедшие к выходу школьники весело шумели – дети есть дети. Но тут Анна услышала, как одна девочка-старшеклассница спросила у одноклассницы:

– И как? Тебе понравилось?

Услышав ответ другой школьницы, Анна испытала состояние, будто ее окатили ледяной водой.

– Не зна-а-ю... – вяло протянул девичий голосок, – я спала-а...

Оглядываясь, чтобы посмотреть на эту равнодушную девицу, Анне Сергеевне совершенно не хотелось...

«Господи, и это наши дети! Неужели они стали такими! Ни капли уважения к чужому труду, я уж не говорю о том, что они просто не заметили красивых костюмов, не оценили шуток артистов. Сюжет-то прост и понятен, и очень подходил для понимания таких, вот, молодых ребят...»

Шагая по улице в сторону родительского дома, Анна Хар-

ламова дала себе решительную установку не проворонить Кирюшу, не дать ему вырасти в пустого, равнодушного человека. Пусть это будет и не просто! Но все-таки Иван прав, давая мальчику больше свободы, и бывая иногда требовательнее к нему, чем хотелось бы Анне. Из мальчика должен расти мужчина. И желательно, чтобы он был не глупым мужчиной.

14

Игорь Горелов вышел из машины и зябко повел плечами. В салоне автомобиля было тепло, а на улице дул пронизывающий ветер. Хотя чего придирааться к погоде – на дворе не май месяц, а ноябрь. Хорошо еще, что не сыро, небольшой морозец держится вот уже несколько дней, и осадков ни в каком виде не предвидится.

На больничном крыльце появились двое – мужчина и женщина. Они не видели Горелова, но он видел их отлично – близлежащая территория была хорошо освещена фонарями. На часах шесть часов вечера, конец рабочего дня. Большинство работников больницы уже успели разойтись.

Эти двое, о чем-то беседуя, неторопливо спустились с крыльца и направились к воротам. Больше говорила женщина – мужчина в основном только отвечал ей. Игорь узнал их – Регина и Харламов. Она – в короткой черной шубке и высоких белых сапогах, яркая, красивая. Таковую увидишь – точно обратишь внимание! Горелов хмыкнул: почему-то дальше того, чтобы рассматривать эту женщину, ему самому ид-

ти не хотелось... Хотя ничто и не мешало, но никаких других отношений с Региной он заводить не собирался.

«Странно, а чего это они вместе? – запоздало подумалось Игорю. – Анна-то где?»

Харламов и Регина дошли до пересечения двух дорожек – одна вела к выходу, вторая – к автомобильной остановке. Остановились, перекинулись еще парой фраз и... разошлись. Иван Николаевич направился к своей машине, а Регина заспешила куда-то по тротуару.

Вообще-то Игорь приехал к больнице просто так. Он пока еще не решил, что делать, если вдруг все же надумает приступить к осуществлению предложенного Региной плана. Вернуть Анну, конечно, заманчиво. Но не маленький ведь, умом-то понимаешь, что это маловероятно. У них уже своя семья, своя жизнь, даже мальчишка есть на воспитании... И вся его тогдашняя ночная бравада показалась вдруг Игорю полным бредом. Он резко развернулся и сел в машину.

Регина не успела далеко уйти. Горелов на машине довольно быстро догнал ее и притормозил. Молодая женщина узнала его и села в салон.

– Добрый вечер, Игорь! – ответила она на его приветствие. – Вы простите, что я так запросто – вы ведь мне так и не сказали своего отчества.

– Да можно и без отчества. Куда вас подвезти?

– Домой, конечно. Куда еще может после работы идти одинокая женщина?

– А дом – это где? – поинтересовался Горелов.

Регина назвала адрес.

Некоторое время ехали молча. Игорь просто не знал, с чего начать разговор, а Регина явно намеренно выдерживала паузу.

Горелов не выдержал первым.

– Вы знаете, Регина, я все же подумал над вашим предложением!

В ответ молодая женщина улыбнулась и посмотрела весьма заинтересованно.

– Вот как... И что же вы надумали?

– Вы не поверите – совсем ничего.

– Совсем? – переспросила Регина.

– Нет. Мне, наоборот, показалась эта идея абсурдной. Говорят, что в одну реку дважды не входят.

– Но я не имела ввиду одну и ту же реку. Та вода, действительно, ушла, я не спорю. Но есть ведь и другие реки... Почему бы не попробовать шагнуть в них.

– А еще говорят, что на чужом несчастье счастья не построишь, – продолжал гнуть свое Горелов.

Регина развернулась к Игорю, прищурившись, внимательно посмотрела на него.

– А еще говорят, что кур доят! Вот уж не думала, что вы такой мнительный и человеколюбивый! – она сухо усмехнулась. – Остановите!

– Стоп-стоп-стоп! Не спешите, я довезу вас! И, поверьте,

приставать не буду.

– Да я в этом и не сомневаюсь! – хмыкнула Регина. – Остановите, мы приехали. Вон мой дом!

Горелов притормозил возле новой девятиэтажки. Женщина открыла дверь машины, собираясь выйти.

– Кстати, хотел спросить – а почему Анны Сергеевны сейчас не было? Вы ведь вдвоем с Харламовым вышли из больницы?

Регина изогнула красивую бровь.

– Так вы нас видели?!

– Ну, допустим...

Регина поведала, что у Анны Сергеевны что-то случилось с родителями, и она вчера уехала. Сегодня ее тоже на работе не было.

– Что-то серьезное? – по инерции заволновался Горелов.

– Не думаю... Тогда бы и Иван Николаевич уехал. Но он на работе, вчера дежурил, все вроде бы нормально. – Регина пожалала плечами. – А вы-то чего беспокоитесь? Они же вам теперь даже не родня.

Игорь бросил на нее быстрый взгляд, но нечего не сказал.

Регина была не права. Родители Анны были совсем ни при чем, мало ли что произошло между их дочерью и зятем. С Игорем у них всегда были ровные отношения. И поэтому он

действительно встревожился, узнав, что с ними что-то случилось.

Выяснить, в чем дело, особого труда не составило – Игорь поддерживал связь с Любашей. Позвонив дочери, он как бы невзначай поинтересовался как у всех дела, как поживают бабушка с дедушкой. Узнав, что бывший тесть оказался в больнице, он призадумался.

Анна Сергеевна была в своем кабинете, когда на пороге появился Горелов. После того, как он вернулся из Германии, они виделись впервые. Если честно, Анна удивилась увидев Игоря здесь.

Бывшие супруги поздоровались.

– Какими судьбами? – поинтересовалась Анна.

Игорь не стал придумывать лишнего, сказал прямо, что узнал от дочери про болезнь Сергея Ивановича и зашел спросить, не нужна ли какая помощь.

– Спасибо, конечно, но мы справимся сами! – ответила Анна Сергеевна.

– Как он вообще?

– Уже лучше. – В голосе Анны не было особой теплоты. Сама она сидела за рабочим столом перед кучей бумаг и что-то писала.

– Писанины, смотрю, прибавляется и прибавляется! – улыбнулся Игорь и кивнул на стопку документов.

– Как и везде, – пожала плечами Анна Сергеевна.

– Да уж...

Дверь приоткрылась и в кабинет заглянула одна из медсестер.

– Анна Сергеевна! Ой! Извините... – увидев Горелова, женщина моментально исчезла.

– У тебя что-то еще? – Анна подняла глаза на бывшего мужа.

– В принципе – нет. Я, кажется, тебя компрометирую... – смутился он.

– А я не девица на выданье, – сухо проговорила Анна Сергеевна. – Только сам видишь, – она показала взглядом на бумаги.

– Понял. Ладно, пойду. И, кстати, если помощь понадобится, не стесняйся, обращайся. А по поводу Сергея Ивановича – у меня есть один знакомый кардиолог, могу с ним связаться.

– Спасибо, не надо.

Горелов попрощался и вышел. Анна Сергеевна продолжила что-то писать на очередном листе.

Игорь Горелов не спеша шел по коридору. На его лице явно читалось удовлетворение.

Вышедшие в коридор с другой стороны Харламов и Крымов увидели удаляющегося Игоря. Они оба его узнали, но промолчали. Алексей Григорьевич пошагал дальше, Харламов же зашел в кабинет Анны.

Анна Сергеевна сидела, все так же склонившись над бу-

магами. Услышав, что кто-то вошел, подняла голову.

– Ты у Матросовой был? – в отделении лежала проблемная пациентка.

– Был. Температура пока держится, но выше уже не поднимается. К вечеру посмотрим еще.

Харламов пристально посмотрел на жену, но Анна уже снова что-то писала. Иван Николаевич прищурился. Что-то неловкое возникло вдруг в воздухе.

– Горелов заходил. Спрашивал, не нужна ли папе помощь. – Анна Сергеевна подняла глаза на мужа.

– А-а... – неопределенно протянул Харламов.

– Я сказала, что нет. – Анна выдержала его взгляд. То, что Игорь был здесь, Иван и так узнает, к чему лишние недомолвки?

– Чего это он вдруг так озаботился о твоём отце? – поинтересовался Харламов, усаживаясь напротив жены.

– Видимо, времени свободного много появилось.

Иван глянул вопросительно. Анна Сергеевна кратко поведала о том, что Игорь остался, как говорится, у разбитого корыта.

– Понятно... – хмыкнул Харламов, – бывает...

– Да, бывает. Я звонила, папке лучше. Но давай в субботу съездим к ним?

– Без вопросов.

И тут их обоих вызвали в отделение – на «скорой» привезли пожилую женщину. Упала на улице, ударилась голо-

вой, плюс перелом руки со смещением.

Когда после операции Анна Сергеевна вернулась к себе в кабинет, возле дверей ее уже ждали. Очень полная женщина тяжело поднялась со скамьи, что стояла чуть поодаль.

– Здравствуйте! Вы – Анна Сергеевна?

Анна поздоровалась в ответ и кивнула – да, я.

– Скажите, как дела у той бабушки, которую сейчас оперировали?

Харламова успокоила женщину, что у пациентки все нормально. Пока она побудет в реанимации, а завтра, если все пойдет хорошо, ее переведут в общую палату и тогда ее можно будет навестить.

– Анна Сергеевна, пожалуйста, сделайте все, что только можно, лишь бы у Марии Кузьминичны было все о*кейно! – принялась упрашивать врача женщина. Анна с интересом рассматривала даму. Хотя дамой-то как раз собеседницу и трудновато было назвать. Короткая стрижка, сама грузная, в бесформенных черных штанах и не очень свежей толстовке, она больше походила на мужика.

– Анна Сергеевна, понимаете, мне же подруга голову снимет, когда приедет! – взмолилась женщина.

Оказалось, что ее близкая подруга уехала в командировку и попросила присмотреть за своей пожилой матерью. «А мы с ними вообще как одна семья! Мне тетя Маша почти как мамка, понимаете! Я всю жизнь с ними рядом прожила, понимаете? А тут выходит, что я не доглядела! Я ведь не дума-

ла, что она в такой гололед гулять пойдет! Я же ей все сама привожу – и продукты и так, чего понадобится! Сиди, говорю, не ходи никуда, скользко! Я на работу уехала, я на такси работаю... А она – гулять!»

Анна Сергеевна успокоила женщину, что мама ее подруги прооперирована успешно, руку ей собрали. Заживать и срастаться, правда, будет долго – пожилой возраст пациентки тут не в помощь. Шрам на голове (Мария Кузьминична ударилась головой о железную трубу) зарастет, сотрясение мозга имеется, но не сильное. Одним словом – со временем бабуля должна поправиться и вернуться в строй.

Эти слова немного ободрили женщину, но нервозный румянец так и не сходил с ее лица.

– Спасибо, Анна Сергеевна, спасибо! – закивала она головой. – А вы сами оперировали?

Анна удивленно посмотрела на женщину.

– А почему вы так спрашиваете?

– Мне сказали, что Харламов и вы оперируете. А вас все хвалят!

– Но мы же не одни! – улыбнулась Анна Сергеевна. – С нами бригада работает, все опытные медики, так что можете быть спокойны за свою бабулю! Все будет хорошо.

– Да-да! – снова закивала собеседница. – Спасибо вам, Анна Сергеевна! А я вам доверяю, все говорят, что вы с Иваном Николаевичем самые лучшие!

Анна только улыбнулась. Поняв, что задерживает врача,

взволнованная женщина попросилась и, грузно переваливаясь и тяжело дыша, направилась к выходу.

16

– Ань, привет! – радостно заголосила телефонная трубка. Яковлев. Сто лет, сто зим, как говорится! Анна Сергеевна улыбнулась. – Привет, дорогой!

Яковлев жутко скучал и дико извинялся, что давно не выходил на связь. "Хотя ты могла бы и сама позвонить!" – капризно заявил он в трубку. Могла бы, покаялась Анна, но как-то не до этого было. Пришлось немного поведать Яковлеву о своей жизни. Он тут же предложил помощь в лечении отца, но Сергей Иванович уже пошел на поправку и Анна Сергеевна отказалась.

Николай Матвеевич похвастался, что его со дня на день повысят в должности. По привычке тут же начал сватать подругу на свое место. Она тоже уже привычно отказалась, хотела было рассказать про Сидельникова, но потом передумала. Пусть парень тут поработает, опыта наберется. К тому же Саша пока никуда не рыпается, нечего раньше времени волну поднимать. И потом, Анна уже несколько раз замечала его в компании одной медсестры. Та была девушка серьезная, работала и училась на предпоследнем курсе "меда" – а почему бы и нет? Кто знает, может сложится пара, и будет в их больнице два молодых специалиста, а то в последнее время молодежь, едва получив дипломы, напрямую едет в Москву

и Питер.

Яковлев спросил про родную больницу, потом поинтересовался Анниной жизнью, спросил про Кирюшу.

– Харламов не обижает? Если что, телеграфируй, я ему дам жару! – с шутливой строгостью поинтересовался Николай Матвеевич.

– Нет, – улыбнулась Анна, – не волнуйся! Если что, я и сама справлюсь.

– Сама-сама! – заворчал друг. – Все время ты всё сама! Не даешь и поухаживать за тобой!

Анна Сергеевна улыбнулась еще шире – вчера Иван пришел домой с букетом роз. Вручил их жене, а на ее вопросительный взгляд ответил коротко: "Просто я тебя люблю". Так что ябедничать пока было не на что...

Поболтав еще немного, Николай Матвеевич откланялся. Анна Сергеевна грустно вздохнула. Конечно, она привыкла справляться без него, но вспоминала часто. Порой ей очень не хватало его резковатых высказываний и даже того шума, что он производил вокруг. И обычного "дружеского трепка" – как он сам называл их уединенные беседы – тоже очень не хватало. Эх, Яковлев, Яковлев! Друг ты мой сердечный!

Нам иногда кажется, что жизнь одних нас берет в такие тиски, что и вдохнуть и выдохнуть невозможно. Но глянешь по сторонам – ан нет, не одному тебе досталось, другие тоже

пыхтят с трудом.

Вот так и Нюся Харламова – сначала голову ломала над тем, что делать. Тяжелая ссора, а затем разрыв с парнем доставили ей немало душевных переживаний. И некоторое время спустя, буквально в один день, поступает предложение о хорошей работе за рубежом... а вечером тест на беременность выдает две полоски!

Нюся долго мучилась над вопросом – что делать? Развиваться дальше в профессии ей очень хотелось, очень! Но и идти на аборт она никак не решалась. Не сказать, что она очень уж хотела стать матерью, но все же сознательно убивать что-то живое, что уже было внутри нее, рука как-то не поднималась.

Понимая, что без чьей-то помощи, без чьего-то дельного совета она все равно не справится, Нюся обратилась к жене отца. После разговора с Анной Сергеевной девушка приняла решение оставить ребенка. А работа... Ну что работа? Найдется и еще что-нибудь...

А вчера ее близкая подруга попала в больницу. Выкидыш. Лера была замужем, и они с мужем так радовались ее беременности, так ждали этого малыша!

Нюся пришла навестить подругу в больницу и поразились перемене, произошедшей с Валерией буквально за один день. Потухший взгляд, скорбная складка у губ... "Нюся, врачи сказали, что у меня больше не будет детей..." – прошептала подруга и беззвучно заплакала.

Нюсе было очень жаль ее, и мужа Леры было жаль... Но что она могла сделать для них, как помочь, чем утешить? Нюся побыла в палате еще немного и ушла.

И лишь выйдя на крыльцо, она почувствовала вдруг такой животный страх, что даже качнулась к стене и оперлась на нее, боясь, что ноги не выдержат и подкосятся. Руки инстинктивно прижались к животу.

"А ведь я тоже могу его потерять! Он же такой маленький, такой хрупкий и незащитный!" – подумалось вдруг Нюсе. "А я еще сама думала... Нет, нет, мой миленький! Прости, прости меня за такие мысли! Ты со мной! Мы справимся! Мой хороший, мы обязательно справимся! Мы обязательно что-нибудь придумаем!"

Вечером того же дня Нюся позвонила отцу и напросилась в гости.

18

Нюся приехала не с пустыми руками. Анна видела по девушке, что у нее есть какие-то новости. И, судя по ее легкому волнению и чуть заметной улыбке, эти известия не такие уж и плохие.

Поэтому через некоторое время, когда Иван пошел за чем-то на кухню, Анна Сергеевна отвлекла Кирюшу в комнате, и Нюся, глубоко вздохнув, отправилась к отцу.

– Па-а-ап... А у меня для тебя подарок! И еще кое-что... – Нюся протянула Харламову брелок для ключей. На метал-

лическом колечке висели крохотные голубые пинетки.

Иван Николаевич взял в руки брелок.

– Спасибо. – Тут он разглядел пинетки. Застыл на некоторое время, разглядывая их. Потом поднял глаза на дочь. Кашлянул.

– Нюсь... А про это "кое-что"... Я правильно понял? Девушка часто-часто закивала головой.

– Прикольно... – медленно проговорил Харламов. – Не ожидал.

Нюся растерялась. Она явно не понимала, как ее отец отнесся к такой новости. У нее уже готовы были сорваться слова: "Прости, я виновата, я тебя подвела!", но отец вдруг широко улыбнулся.

– А ты уверена, что это будет парень?

Дочь пожалала плечами и тоже заулыбалась.

– Да мне все равно, пап. Может и девочка...

Харламов шагнул к Нюсе и обнял ее за плечи.

– Мы все равно научим этого карапуза стрелять из рогатки и гонять на роликах!

Девушка согласно кивнула. Горло вдруг перехватило и в глазах защипало. Нюся не сдержалась и шмыгнула носом.

– Это что такое?! Чего это ты плакать надумала? – Иван отстранил дочь от себя и заглянул ей в лицо. – Что за слезы такие? Я, как будущий дед, строго-настрого запрещаю тебе реветь!

– Это я от счастья, пап. Я боялась, что ты расстроишься...

– Чего это я должен расстраиваться? – не понял Харламов.

– Ну-у... то, что я без мужа рожать надумала...

– Гм, то, что ты без мужа – это, конечно, не плюс. Но, Нюська ты моя, Нюська, – Иван шутливо постучал по кончику носа дочери, – поверь, это в целом – ерунда! Тем более я тебе в этом вопросе полностью доверяю – раз ты не захотела, чтобы тот человек был рядом, значит и не надо. А он, кстати, хоть в курсе?

"Человек" был не в курсе.

– Зря, – качнул головой Харламов. – Может, все же надо сказать ему?

Сообщать или нет о ребенке будущему папаше – Нюся пока еще не решила. Иван кивнул – это твое дело, тебе решать. Но узнав, что матери Нюся тоже не сообщила, он нахмурился.

– Маме надо сказать обязательно!

– Не думаю, что она очень обрадуется новому званию. Какая мама бабушка? Она у нас все время девушка!

– Зря ты так, – не согласился Харламов. – Мама все равно тебя любит. И твои дети – это и ее частичка тоже. Ну, может быть, она и не будет такой уж прямо "бабушкой-бабушкой", но сказать ей надо.

Узнав, что Анна Сергеевна уже в курсе Нюсиной беременности, Иван Николаевич удивился. Это что же получается – Анна знала и ничего не сказала? Но дочь принялась защищать мачеху.

– Это я ее просила ничего никому пока не говорить! А Анна Сергеевна, наоборот, хотела, чтобы я тебе сказала! Пап, она мне вообще очень помогла! – о своих сомнениях по поводу сохранения ребенка Нюся предпочла промолчать.

Но Харламов слишком хорошо знал свою дочь. Он внимательно посмотрел на нее.

– В чем это Анна тебе помогла?

– Па-а-ап... ну могут же у нас быть маленькие женские секретки? – лисой вывернулась девушка. – Ну не обижайся на Анну, она хорошая!

"Хорошая... – подумал Иван Николаевич, – да, уж, видимо, не плохая, раз первой узнала про этот твой ... "секретик"!"

Потом он некоторое время привыкал к мысли, что его дочь, его маленькая строптивая девчонка, в недалеком будущем сама станет матерью. Это было так странно и непривычно... Но губы так и растягивались в улыбке, едва Иван представлял розовощекое чудо – своего внука или внучку. Давно ли Нюся сама была такая – агукала, пускала пузыри и плевалась кашей! И вот теперь она тоже не будет спать ночами, станет захлеб рассказывать, что малыш первый раз ей улыбнулся и сделал свой первый шаг.

Жизнь продолжается...

"Ну почему так – кому-то все и сразу, а кому-то ничего путного в этой жизни не достается? А если и забрезжит вдруг впереди хоть какая-то надежда на счастье, то все равно найдётся кто-то, кто дорогу перейдёт, и счастье твоё уведет прямо из-под носа!" – размышляя так, Регина гибко изогнулась всем телом и посмотрела на своё отражение в зеркале. Красивое дорогушее бельё только ещё больше украшало то, чем природа щедро одарила её.

Нет, конечно, Горелова (для нее Анна навсегда останется именно Гореловой, но никак не Харламовой) тоже красива – это Регина признавала. Не за горами полтинник, а она все такая же – как девчонка стройная, глаза большущие синие. Нормальная женщина, не глупая и не противная. И став завотделением, нос не задрала, не загордилась... И чем-то зацепила красавчика Харламова, да так зацепила, что он даже женился на ней!

У самой Регины месяц назад закончился роман с одним мужчиной. Он (и роман, и мужчина) был не последним в её жизни, но мысли красавицы вернулись вдруг к Ивану Харламову. Запретный плод сладок, и Регине захотелось попытаться счастья и добиться своего. А почему бы и нет? Тем более муженек Анны теперь свободен – об этом молва людская донесла. Вот и пусть семейство воссоединится, а Регине тоже хочется простого человеческого счастья, Регине уже можно и замуж сходить...

Иван Николаевич с удивлением смотрел в окно. Знакомая мужская фигура неторопливо шествовала прямо к больничному крыльцу. Горелов. Теперь уже Харламов без труда узнал его. Что-то он зачастил в больницу... Буквально на прошлой неделе был, сегодня опять...

"Что это я, ревную, что ли? С чего бы это? Не доверяю Анне? Вот ведь дурак!" – обругал он сам себя и отошел от окна. Ладно, люди взрослые, разберемся!

Но встреченная чуть позже Регина только подлила масла в огонь.

– Иван Николаевич, вы Анну Сергеевну не видели?

– А в своем кабинете ее нет?

– Ой, точно! Хотя... ладно, потом зайду. К ней, кажется, Горелов пришел! – Регина бросила быстрый взгляд на Харламова и тут же виновато отвела глаза. – Простите...

Харламов взглянул на нее с любопытством. Ох, лиса Алиса! Так и норовит поддеть побольнее!

– А вы следите, что ли? – он не удержался и съехидничал.

– Я?! Боже упаси! – округлила глаза Регина. – Просто...

– Что – просто?

– Да так... Ну что вы, Иван Николаевич, в самом деле!

– Я-то ничего, – он как-то недобро взглянул на нее. – Я-то ничего...

Харламов резко развернулся и пошел прочь.

Но вечером, сядясь после работы в машину, он поинтересовался у Анны Сергеевны:

– Горелов опять заходил?

Она кивнула.

– Был. Спрашивал про папу.

– А-а...

Анна задумчиво посмотрела перед собой, потом повернулась к нему.

– Вань, ты ревнуешь?

– Я? – Харламов тоже призадумался, но решил не ходить вокруг да около: – А почему бы и нет?

– Ну тогда и я ревную. Регина, смотрю, так и вьется вокруг тебя.

– Причем здесь Регина?! Да и вообще – с чего ты это взяла?

Анна усмехнулась.

– Ваня, мы же не в лесу живем! Ты не успел шаг шагнуть – а про тебя уже все болтают.

– Про меня?!

– Ну и про меня тоже. Про всех. Это же свойство человеческого языка, а то ты не знаешь? И вообще... Иван Николаевич, а тебе не кажется, что мы ссоримся? Причем из-за ерунды!

Харламов хотел что-то сказать, но сдержался. Глупо все как-то, наверное, Анна права – не стоит идти на поводу у других – свои-то головы на что?

А перед Новым годом семейство Харламовых увеличилось еще на одну живую единицу. Это был маленький заморыш, из-за грязи непонятно какого цвета, дрожащий всем тельцем и беззвучно открывавший розовую пасть. Котенку было не больше месяца, и у него только-только открылись глазки.

Маленького страдальца притащили Кирюша с Дениской. Был выходной день, и мальчишки после обеда ушли гулять. Но не прошло и получаса, как в дверь позвонили. Иван Николаевич пошел открывать. На пороге стояли мальчишки.

– А чего это вы звоните? Кирилл, у тебя же ключ есть?

Потом в коридоре стало тихо, затем послышался удивленный присвист Харламова.

– Ань, гляди-ка!

В прихожей плечом к плечу, как двое из ларца, стояли Дениска и Кирюша. Анна Сергеевна удивилась:

– Вы же только что ушли! Что случилось?

Мальчишки глянули виновато, потом Кирилл приоткрыл полу куртки, и Анна увидела, что там кто-то есть. Этим "кто-то" оказался крохотный котенок, которого мальчишки нашли возле мусорных баков.

– Тетя Аня, дядя Ваня, возьмите его себе! Ну пожалуйста-а... – принялся упрашивать Харламовых Денис.

Взрослые изумленно переглянулись.

– А что ж ты себе его не берешь? – поинтересовался Иван

Николаевич.

Мальчишка только грустно вздохнул.

– Да я бы взял... У мамы аллергия на кошек, ей нельзя.

Анна вспомнила, что Лариса и в детстве стороной обходила кошек. Ей было достаточно просто погладить кота или кошку, как ее лицо покрывалось прыщиками и начинало чесаться. Но это касалось только представителей кошачьей породы – никакой аллергической реакции на собак у Ларисы не наблюдалось.

Харламов глянул на жену. Анна подтвердила, что Дениска говорит правду.

– Ну и ну... – улыбнулся Иван и пожал плечами, – лично я не против, у меня аллергии нет.

А вот у Игоря Горелова аллергия была, потому в их доме никогда не держали животных. Вот и очередная новизна!

Анна призадумалась. Конечно, выкинуть эту крохотульку рука не поднимется... Но и ответственность за него большая – котенок явно еще не умеет даже самостоятельно кушать.

Кирюша, поняв, кто будет принимать окончательное решение, во все глаза смотрел на Анну.

– Я сам за ним убирать буду! И кормить тоже! Мама Аня, ну вы же меня взяли, не побоялись! И ничего – живем!

Харламовы переглянулись. Анна с трудом сглотнула возникший вдруг комок в горле... Обычно Кирюша обращался к ним просто "дядя Ваня" и "тетя Аня" – так они договорились с самого начала. Всем так было проще. Мальчик был не

маленький, своих родителей помнил и очень любил, а Иван Николаевич и Анна Сергеевна и не настаивали на другом обращении. Не по имени-отчеству же ребенку их называть!

А недавно Лариса сказала Анне, что услышала, как в разговоре с Дениской Кируша называл своих приемных родителей "мама Аня" и "папа Ваня". Но Анна не приняла тогда всерьез ее слова.

Сейчас это было выпалено на одном дыхании, безо всякого подлизывания, от чистого сердца. Анна Сергеевна даже запнулась от неожиданности. Первым нашелся Иван. Он глянул на жену и произнес обыденным тоном:

– Ну что, берем? Подумаешь, котенок! Он маленький, а мы-то большие – справимся! Так ведь? Только, кажется, его сначала придется кормить из пипетки...

Анна только кивнула в ответ. Участь найденыша была решена.

Когда малыша отмыли от грязи и высушили, оказалось, что он обычный серый полосатик.

– Ишь ты, смотрите, какой боцман! – улыбнулся Иван, рассматривая котика.

Фраза оказалась пророческая – мальчишкам (а Дениска тоже участвовал при купании) так понравилось слово "боцман", что они решили назвать котенка Боцманом. Взрослые согласились с ними, тем более новый член семьи оказался мужского пола.

Через некоторое время накормленный с помощью пипет-

ки малыш мирно спал на старом Аннинном шарфе, а счастливые Кирюша и Дениска сидели рядышком на диване и любовались крошечным Бодманом.

21

Руки маленькой массажистки быстро порхали над обнаженной спиной Горелова. Он щурился, словно довольный кот, и с радостью ощущал, что боль постепенно отступает. Надо же, прихватило вдруг ни с того ни с сего! Вроде и не делал ничего, просто нагнулся "змейку" на ботинке застегнуть – и тут спину так "прострелило" – мама моя! Еле-еле до дивана дошел!

Как-то подобное приключилось с одним знакомым Игоря, и тот потом обмолвился, что лучше всяких лекарств ему помогла маленькая азиатка-волшебница Ви.

И вот теперь к концу подходит третий сеанс массажа, и Горелов в который уже раз мысленно поблагодарил своего знакомого, а заодно и прикинул, что вручит ему бутылку хорошего коньяка. За доброе дело ничего не жалко!

Тем временем Ви (кстати, он до сих пор так и не понял – это ее имя или фамилия?) довольно резко надавила двумя пальцами на какие-то точки, и Игорь почувствовал, что боль отступила совсем. Еще пара легких касаний маленьких ладоней Гореловской спины, и Ви немного ломано произнесла:
– Всьё!

– Вот спасибо! – обрадовался Игорь и хотел было подняться, но девушка резко остановила его:

– Нет! Надо лежать пять минут. Потом можнѐ вставать.

Игорь послушно замер. На его спину опустилась свежая теплая простыня. От нее немного пахло какими-то цветами, причем именно цветами, а не порошковой отдушкой. Горелов блаженно прикрыл веки.

— Вам нюжена женщина, – проговорила массажистка.

— Что? – не понял клиент.

Ви не смутилась и пояснила, что его боль возникла от нервного перенапряжения и длительного отсутствия сексуального контакта. Конечно, произносила она это длинно и не очень точно, но суть Игорь в конце концов понял.

– Ага, конечно, – поддакнул он, разобрав речь Ви. – Я это и сам примерно знаю.

Он поднялся с массажного стола и стал одеваться. Массажистка, обычно сразу по окончании сеанса бесшумно исчезающая в соседней комнате, на сей раз стояла в сторонке и, смиренно склонив голову, смотрела в пол.

Игорь, застегивая рубашку, обернулся.

– Что-то не так? – Расчитывался он за каждый сеанс отдельно и делал это сразу по приходу.

– Все холѐшо... – Ви согласно кивнула. – Моя сестла может вам помочь...

Горелов от удивления даже приоткрыл рот. Ничего себе сервис! Вообще-то он соглашался только на массаж. Но

тут азиатка отступила в сторону, и Игорь с изумлением увидел невесть откуда взявшуюся женскую фигурку. Ё-моё! да это же та самая, из его недавнего сна! Даже полупрозрачная ткань, которой прикрыто тело девушки, точно такая же! Мистика, да и только!

Пальцы перестали застегивать пуговицу и замерли. Игорь Горелов вдруг заколебался. Такого с ним точно никогда не было... А что, может, стоит попробовать?

Он глянул на Ви. Та словно считала с его лица какую-то информацию, слегка кивнула и неслышно исчезла за дверью.

22

Новый год решено было отметить вместе с Мартыновыми. Немного поспорили по поводу того, на чьей территории будут проходить гулянья, потом договорились, что стол накроют у Геннадия с Ларисой.

Буквально за день до праздника позвонила Нюся и попросилась в гости. Люба собиралась приехать 31-го с утра, но потом снова вышла на связь, и в компании прибыл еще один человек – Ваня в качестве жениха был уже неотъемлемой частью их дуэта.

Праздник получился веселым и шумным. К тому же молодежь постаралась и приготовила конкурсы, и все с удовольствием в них участвовали.

Уже после боя курантов Иван Николаевич вошел на кухню

и увидел Анну. Не удержался, обнял и прижал ее к себе.

– С Новым годом, жена! – шепнул на ухо.

– С Новым годом, Ванечка! – она чмокнула его в щеку.

В приоткрытое окно со двора донесся веселый шум – люди стали выходить на улицу и поздравлять друг друга.

– А помнишь, как мы с тобой с горки катались? – спросил Иван.

Анна Сергеевна улыбнулась. Разве такое можно забыть? И вообще, разве можно забыть счастье? Нет, такое не забывается...

Ей вспомнился Александр из Германии. Мысленно поздравила его и Хелену с Новым годом. Интересная пара. А ведь они могли бы подружиться. Только, кажется, женщина относится к Анне несколько настороженно, ревнует что ли? Хотя... Анна Сергеевна знала, что Александр питал определенные симпатии к ней. Кто знает, может быть, Хелена в курсе этого... Но что ломать голову? Германия далеко, да и супруги сами разберутся. К тому же Анна ни в коем случае не собиралась вступать между ними, да и вообще – хватило ума "не наделать глупостей" там, на отдыхе, а теперь и по-прежнему – даже мыслей нет об этом. У нее есть Иван... Анна улыбнулась своим мыслям и плотнее прижалась к мужу.

Утро наступившего года в квартире Харламовых началось со звонка в дверь.

Иван Николаевич, тяжело сопя, поднялся с постели и побрел в прихожую. Открыл дверь и глянул удивленно на ран-

него гостя. Этого парня он точно не знал. Высокий, крепкого телосложения молодой человек лет двадцати пяти с некоторым напряжением смотрел на него.

– Здравствуйте...

– Здравствуйте! – отвечивал Харламов и поинтересовался, кого желает видеть юноша.

– А мне бы Нюсю... то есть Анну Харламову!

Сон как рукой сняло. Иван Николаевич изумленно поднял брови и с любопытством осмотрел парня. Обыкновенный, среднестатистический, так сказать, товарищ. Куртка, джинсы, зимние кроссовки.

– Нюсю? – переспросил Иван и подумал, что этот человек явно хорошо знает его дочь. Обычно просто знакомым людям Нюся была известна под именем Анна.

– Да. Она ведь тут? Позовите ее, пожалуйста.

– Вообще-то она спит. Попозже нельзя?

Молодой человек кашлянул и отрицательно качнул головой.

– Ладно, сейчас.

И вдруг в голове мелькнула мысль – а не будущий ли папаша прибыл по Нюсину душу? Но Харламов тут же обругал себя – вот дурак, что, теперь в каждом парне будешь видеть отца своего будущего внука или внучки? Так можно и с катушек съехать...

Но когда он разбудил дочь и сообщил о госте, ее поведение дало ему понять, что он близок к истине. Нюся с трево-

гой глянула на отца, потом отвернулась к стенке и буркнула:

– Блин, как он меня нашел? Пап, скажи, что меня нет.

– Вообще-то это надо было сразу сказать, но ты же меня не предупредила...

– Ну скажи ему, что я сплю...

Харламов подумал немного, потом спросил напрямую:

– Это тот, о ком я думаю?

Нюся ответила не сразу, но потом все же утвердительно кивнула.

– Он настолько плох, что его следует сразу спустить с лестницы? Или, может быть, все же стоит с ним поговорить? – Дочь не отвечала. – Знаешь, напороть в горячке можно всякого... Но порой простой разговор помогает во многом разобраться. Это твое дело, я не лезу. Но подумай хорошенько... К тому же это и его ребенок тоже.

Иван повернулся, намереваясь выйти.

– Он про ребенка не знает... – прошептала Нюся.

– Оба-на! Похоже, вечер перестает быть томным! – хмыкнул Харламов и остановился.

Нюся вылезла из-под одеяла и нехотя прошлепала в коридор. Спавшая на соседнем диване Любаша сонно приоткрыла глаза, глянула на Ивана Николаевича и перевернулась на другой бок. Сегодня вся квартира была плотно оккупирова-

на детьми – в одной комнате спали девочки, в другой – парни, то есть Ваня и Кирюша. Старшие Харламовы оставили себе спальню.

Тихонько открылась и снова закрылась дверь в коридоре – Нюся вышла для переговоров на площадку.

– Что случилось? – Анна Сергеевна проснулась и с тревогой глянула на вернувшегося Ивана.

Он нырнул под одеяло и кратко поведал обо всем.

– Она хоть оделась? – заволновалась Анна.

– Ну не в ночнушке же, наверное, вышла, – отмахнулся Харламов.

Сон прошел, да и какой тут сон, если у родной дочери такие передрыги в жизни... Иван Николаевич вздохнул. Да, точно говорят: маленькие детки – маленькие бедки. Нюся, пока росла, тоже была не подарок – даже в школу отцу пришлось заглянуть пару раз. Девочка никогда и никому не давала себя в обиду, иногда вообще дралась, если сильно "доставали". Но это качество в ней отец приветствовал. Ничего страшного, впереди вообще целая жизнь, а она не сахар. Мама пыталась наказывать Нюсю за слишком уж "горячие" поступки. Но сильный характер дочки было не сломить и не переделать.

Тогда все это тревожило, заставляло порой сильно поволноваться. Теперь волнений стало, может, и меньше, но масштабы их заметно выросли. К тому же будешь теперь думать и за еще одну душу, пока не рожденную, но уже такую род-

ную.

А тем временем Нюся, кутаясь в снятое с вешалки пальто Анны, стояла на лестничной площадке. Рядом, хмуро поглядывая на нее, стоял высокий молодой человек.

– Зачем ты приехал? – недовольно спросила Нюся.

– Тебя хотел с Новым годом поздравить! – не без ехидства ответил ранний гость.

– Поздравил?

– Поздравляю. И счастья желаю. Много.

– А-а...

Повисло тяжелое молчание.

Нюся смотрела в окно, а на душе скребли кошки. Очень не хотелось вспоминать, но дурацкая память вновь нарисовала неприглядную картину их последней ссоры. Со слов Влада получалось, что Нюся крутит шуры-муры за его спиной, видел сам... "С кем?!" – обомлела она тогда. А в ответ имя и факты: я видел вас вместе там-то и там-то, а вот тогда-то он тебя на машине домой привез! "Влад, перестань! Что ты такое говоришь! Мы же работаем вместе!" Но он и слушать не хочет, распаляется все больше и больше...

Нюся только вздохнула. Она ведь тогда тоже завелась не на шутку, и припомнила ему все: и аромат чужих духов от одежды, и эсэмэски какие-то, быстренько им прочитываемые и тут же стираемые... Да и вообще было чего припомнить...

– В общем... Нюсь... Хватит нам уже дурака валять! Я

извиниться хотел... Я не должен был ей верить! Знаю же, что Ложкина спит и видит, чтобы нас с тобой рассорить, а сам повелся на ее вранье! Нюсь, я больше никогда в жизни тебя ни к кому ревновать не буду! Обещаю! – парень говорил негромко, при этом лишь быстро поглядывал на девушку.

– А спит она случайно не с тобой? – Нюся прищурилась и в упор посмотрела на Владислава.

Он даже откачнулся от неё.

– Ты чего такое говоришь?!

– Да ладно! – с издевкой воскликнула младшая Харламова. – Скажи еще, что не было ничего!

По щекам молодого человека пошли красные пятна.

– До тебя – да, было. Но я ведь никогда этого и не скрывал!

А потом нет!

– Ой ли?

Влад глубоко вдохнул воздух, явно сдерживая себя, чтобы не сказать что-то не то. Помолчал, потом уже спокойным тоном произнес:

– Мы с тобой сейчас опять ругаться начнем. И стоило ради этого ехать в такую даль!

– А я тебя, вообще-то, сюда не звала!

– Я же сказал – прости!

Где-то наверху хлопнула дверь и молодые люди замолчали. Вскоре мимо них прошагал мужчина с маленькой собачкой. Сам он был крупного телосложения, а песик – почти игрушечный йоркшик с красным бантиком на голове. Бру-

тальный хозяин бережно прижимал маленькую собачку своей совкообразной ладонью к груди.

– О, ребята, с Новым годом! – поздравил Нюсю и Влада сосед сверху. – Видишь, Норочка, не одним нам с тобой не спится в такое замечательное праздничное утро!

Проводив взглядом колоритную парочку, Владислав усмехнулся:

– Помнишь, ты тоже о собаке мечтала!

Нюся не ответила. Она стояла и смотрела в окно. Потом тихо, но твердо сказала:

– Уезжай, Влад. Уезжай и никогда больше сюда не приезжай.

Девушка повернулась и пошла к двери квартиры.

24

Анна Сергеевна и Иван Николаевич слышали, как щелкнула входная дверь – Нюся вернулась домой. Пошуршала у вешалки, потом закрылась в туалете.

Не было ее довольно долго. Анна уже начала волноваться, но Харламов не разрешил вмешиваться. «Пусть выплывет» – прошептал он жене.

Но Нюся не плакала. Ей было худо, но не только от встречи с Владиславом. Вот уже неделю ее донимала утренняя тошнота.

Когда она, наконец, вернулась в комнату, на диване заше-

велилась Любаша. Глянула на Нюсю и удивленно подняла брови.

– Ты чего, заболела? – Нюся была бледна, волосы на лбу после умывания слиплись мокрыми сосульками.

– Нет. Просто нехорошо.

– Тошнит, что ли? Может, отравилась?

– Нет.

– А чего тогда?

– Да так...

Нюся забралась под одеяло, свернулась в комочек. Любаша молча поглядывала на нее, потом что-то сообразила и зашептала:

– Нюсь, ты чего, беременная?!

Та в ответ утвердительно качнула головой.

– Ничего себе! Блин!

Девушка вскочила с дивана и перебежала к Нюсе. Села на краешек ее постели, спросила – не дать ли ей воды. Пить Нюся не хотела, но зато хотела, чтобы кто-то хоть немного ее пожалел. Что ласковая по натуре Любаша и сделала. Она погладила Нюсю по голове, а потом девушки разговорились.

Узнав, что Нюсин парень приезжал к ней сюда, Люба очень удивилась двум вещам – почему он до сих пор не знает о ребенке и почему Нюся «отфутболила» его обратно. Когда Нюся рассказала про их с Владом ссору, после которой они расстались, девушка подумала немного, а потом, пожав плечами, сказала:

– Подумаешь, ревность! Дурак он, этот твой Влад, если верит всем, кроме тебя! И ты тоже хороша – сама знаешь про его бывшую, и сама же к ней ревнуешь! А, по-моему, если тебе человек нужен, так и принимай его таким, какой он есть!

– Легко сказать...

– Да не легко! Просто одно из двух – или веришь ему или нет. А ты сама начала какие-то там скелеты в шкафу разбирать!

Нюся с интересом взглянула на Любашу. А, может, она и права? Не надо было про эту Ложкину Владу напоминать! Но дело сделано – дверь она уже закрыла и Влад уехал.

После завтрака Иван Николаевич с Кирюшей и Ваня с Любашей отправились прогуляться. Анна Сергеевна и Нюся остались дома.

Проходя мимо припаркованных неподалеку машин, Иван Николаевич увидел возле одной из них высокого парня. Он смотрел в другую сторону, но когда обернулся, Харламов узнал в нем утреннего гостя. Влад тоже узнал Ивана Николаевича, глянул напряженно, потом чуть заметно кивнул.

Немного подумав, Харламов сказал, чтобы все шли дальше, а сам вернулся к парню.

– Давно ты тут?

– Как приехал.

– Понятно. – Харламов глянул вслед уходящей молодежи.

Любаша обернулась, но заметив, что он смотрит, тут же развернулась и, взяв Ваню под руку, пошагала вперед.

– Вы ведь ее отец? – спросил парень. Иван Николаевич утвердительно кивнул. – Вы похожи.

– Я в курсе.

Молодой человек глянул на Харламова.

– Можно с вами поговорить?

– Можно, отчего же нельзя? – пожал плечами Иван.

25

Они сели в машину. Сначала помолчали, потому что ни тот ни другой не знали с чего начать. Познакомились. Владислав решил и заговорил первым.

Он не жаловался на Нюсю, не выставлял ее одну виноватой в их разрыве. Все получилось как-то глупо, но понимаешь это только сейчас. «Переварив» все, Влад решил первым пойти на примирение, но не тут-то было. Сначала Нюся просто сбежала, и он с довольно большим трудом смог отыскать ее. Немногочисленные подруги не знали, где она; Нюся даже не сказала им, что уедет из города. Вспомнил про ее отца. Зная, что у них очень хорошие отношения, предположил, что Нюся у него. Начал искать Харламова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.